

Содержание

Вступление. Постановка проблемы смысла жизни в русской литературе XIX века	4
Диалектика «Мертвых душ»	16
«Социальность, социальность — или смерть!»	33
Смерть и власть как тайна (Н.Г. Чернышевский. «Что делать?»)	62
Человек без свойств (Ф.М. Достоевский. «Записки из подполья»)	84
Победа над смертью (Л.Н. Толстой. «Война и мир»)	95
Мистика радости жизни (Ф.М. Достоевский. «Братья Карамазовы»)	133
Современный человек (Л.Н. Толстой. «Смерть Ивана Ильича»)	156
Человек перед лицом жизни (о творчестве А.П. Чехова)	166
О «каждом из живущих на земле» (о творчестве И.А. Бунина)	205

ВСТУПЛЕНИЕ.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ СМЫСЛА ЖИЗНИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Логика последовательности трех литературных методов, вполне можно сказать, мировоззрений — классицизма, романтизма и реализма, — является ключом к пониманию процессов, происходивших в литературе и обществе XIX и XX веков.

Классицизм был первым осознанным и четко оформленным методом в искусстве нового времени. С него начался тот ряд, который продолжается в настоящее время.

Как хорошо известно, каждое направление получает энергию утверждения и развития из отрицания своего предшественника. Но классицизм основывается исключительно на подражании, на традиции. Только с романтизма начинается культ нового.

Во имя нового идет непрерывная смена школ, стилей, мировоззрений. Романтизм стоит у истоков исторического ускорения. Так же и в жизни общества и отдельных людей происходит кардинальная переориентация в мире. Девизом времени становится новое, что, в частности, породило такое явление, как мода.

В целом человек начинает руководствоваться в своей жизни не старым, а новым, не традицией, а разумом. «Лихая мода наш тиран — недуг новейших россиян», — заметил Пушкин. Вместо убеждения, что истина имеет своим важнейшим признаком древность, появляется не менее стойкий стереотип: истина — то, что открыто современным знанием. Если раньше на вопрос: как жить? — человек отвечал не колеблясь: так, как жили предки, то теперь он опирается на передовые, прогрессивные идеи. Начало этого переворота в России происходило на глазах Пушкина, что и дало ему возможность стать родоначальником новой русской литературы.

Знаменательно, что автор «Евгения Онегина» для характеристики современного человека обращается к литературным

направлениям и осмысляет исторические перемены через сравнения литературных вкусов читателей разных эпох. В них он находит точные приметы совершающихся метаморфоз.

Мир классицизма — мир неизменных, четких критериев и оценок, твердых представлений о добре и зле, пороке и добродетели, истине и лжи. Главная его категория — иерархия, расставляющая все предметы, проблемы, темы в соответствии с неоспоримой, общепринятой значимостью. Человек эпохи классицизма жил в строго упорядоченном мире, ясно сознавая свое место в нем, т.е. обладал тем, в чем будут испытывать недостаток люди эпохи, простирающейся от крушения классицизма до наших дней.

В романтизме на место строгих требований и правил явилась свобода, певцом которой был Пушкин, верность ей он сохранил до конца. Но Пушкин ясно видел сопутствующие свободе теневые стороны и их раскрытию посвятил свой роман «Евгений Онегин». Рассказав о вкусах читателей романов, где всегда торжествует добродетель, поэт замечал:

А нынче все умы в тумане,
Мораль на нас наводит сон,
Порок любезен — и в романе,
И там уж торжествует он.

Одну из важнейших примет наступающей новой эпохи Пушкин увидел в поэтизации порока и зла, чего никогда не было раньше и что свидетельствовало о предельно возможной степени разрушения всяких основ. Перед нами ведь не утверждение иной нормы, а прославление того, что необходимо отвергать и порицать, т.е. утверждение неограниченного отрицания. Отрицание обеспечивало развитие как необходимый момент движения, но одновременно, разрушив основы жизни человека, породило трагическое мироощущение личности, лишенной незыблемых ценностей, которое и выразил романтизм. Пушкин ввел разочарованного героя. «Со времени Пушкина в мире по-

казались какие-то неслыханные прежде жалобы на жизнь. Элегия сменила оду»¹.

«Жалобы на жизнь», разочарование, равнодушие к жизни, охлаждение чувств — все это следствие потери смысла жизни.

Ситуация человека, не знающего смысла своего существования, стала коренной в европейской литературе от Байрона до экзистенциалистов. И в русской литературе в одном ряду с Онегиным, Печориным стоят и Иван Ильич Толстого, и Николай Степанович из «Скучной истории» Чехова, и герои Бунина.

Романтизм выразил разочарование и одновременно безграничной силы порыв к идеалу. Его глубинным импульсом было «стремление к недостижимому, любовь к беспредметному»².

Не может быть удовлетворенного романтика, обретшего гармонию с окружающим миром и с самим собой. Справедливо, что «поэзия древних была поэзией обладания», поэзия романтизма — «это поэзия томления»³.

Но томление и порождает стремление к обладанию нормами, правилами, законами и, наконец, ценностями, придающими смысл жизни.

Обретение смысла жизни было задачей, поставленной романтизмом, требовавшим выйти за его пределы.

Путь от томления, разочарования, равнодушия к обладанию и любви к жизни проходят герои русского романа. Когда мы мысленно обозреваем их последовательность от Евгения Онегина до Алеши Карамазова и князя Нехлюдова («Воскресение»), мы отчетливо видим направление процесса.

Пушкин писал о герое «Кавказского пленника», бывшего романтическим предшественником Онегина: «Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту

¹ Белинский В.Г. Стихотворения Лермонтова // Белинский В.Г. Собр. соч.: в 3 т. М., 1948. Т. 1. С. 679.

² Шлегель Ф. Из переписки ранних романтиков // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 149.

³ Шлегель Ф. Чтения о драматическом искусстве и литературе // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 131.

преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи XIX века»⁴.

Пушкин, а вместе с ним и русский роман в целом, составляющий стержень русской литературы XIX века, начинают с главного вопроса, с самого глубокого уровня любого мировоззрения — с вопроса о ценности жизни, о ее оправдании. Потеря современным человеком смысла жизни очевидно и справедливо связывалась романтиками с прогрессом, с историческим развитием Европы. Поэтому излюбленная для романтиков ситуация: разочарованный, цивилизованный герой в среде «дикого», патриархального народа. Пушкин недаром назвал своего пленника «европейцем».

Патриархальные народы — черкесы, цыгане находились на предысторической ступени. Их гармония и непосредственность были несовместимы с развитием. Зато им неведома была болезнь современного человека — равнодушие к жизни, разочарование.

Европейцам выпала другая доля: развитие, история. Дисгармония, которой они подвержены, — источник жизни, обеспечивающий движение на историческом пути.

Достоевский в своей знаменитой Пушкинской речи справедливо назвал героев романтических поэм Пушкина «скитальцами», покинувшими свой дом. Но он, очевидно, был неправ, видя в беспочвенности участь только русского интеллигента. Такова была европейская и, как показала история, мировая судьба.

Интенсивное историческое развитие XIX и особенно XX века сделало образ романтического скитальца пророческим. Разве герои Кафки или «Посторонний» Камю не родственники по прямой линии Чайльд Гарольду, Алеко, пленнику?

Именно романтическими поэмами и «Евгением Онегиным» была поставлена Пушкиным задача, решением которой занялись его последователи: Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Л. Толстой — поиском смысла жизни в исторически меняющемся мире.

⁴ Пушкин о литературе. М.; Л., 1934. С. 15.

Поэтому в русской литературе, начиная с «Кавказского пленника» и «Цыган», идет непрекращающаяся до сих пор дискуссия о прогрессе и выдвигаются различные концепции истории. Дело, конечно, не в том, что некоторые темы и идеи сохранились на протяжении полутора веков, хотя это тоже показатель единства литературы.

Критика Алеко городской цивилизации, нарушающей гармонию человека с природой, звучит совершенно актуально и сейчас. Его слова о «неволе душных городов», где «люди в кучах, за оградой не дышат утренней прохладой», воспринимаются как декларация какой-нибудь партии «зеленых». Вспомним Л. Толстого, его «Люцерн», «Казаков» и, наконец, «Воскресение». «Как ни старались люди, собравшиеся в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жились...» Знаменитое начало «Воскресения», служащее камертоном всему роману, подвергает критике городскую цивилизацию примерно с тех же руссоистских позиций, что поэмы Пушкина.

Затем традиционное противопоставление цивилизации и природы, города и деревни вдруг вынырнуло в 60-е годы уже XX века в «деревенской прозе». Ее явление было неожиданным и потому особенно эффектно в силу прочно устоявшегося в общественном сознании предрассудка, рассматривавшего всю русскую литературу XIX века как сплошное прославление прогресса. Все настоящие писатели назывались поэтому у нас прогрессивными. Истина, добро, красота были доступны только прогрессивным художникам. И эпоха безоговорочного господства над умами идеи прогресса в нашей стране закончилась сравнительно недавно, когда исчезло с лица земли «все прогрессивное человечество», исчезло так же незаметно, как и появилось.

Но в действительности русская литература XIX века была не панегириком, а обсуждением, диспутом о прогрессе. В ней был представлен полный диапазон оценок прогресса: от фанатического его восхваления Белинским, Чернышевским, Писаревым до столь же фанатичного его неприятия К. Леонтьевым, между которыми разместились Тургенев, Гончаров, Достоевский,

Л. Толстой. Можно сказать, что центральная задача, объединяющая усилия всех писателей, состояла в поисках смысла жизни в связи с прогрессом. Направление поиска было дано Пушкиным, он показал, в какую сторону надо двигаться, явившись создателем «поэзии действительности».

Стоит задуматься, почему и случайно ли русская реалистическая литература началась с романа, носящего имя героя, стоящего во главе ряда «лишних» людей и персонажей, так или иначе соотношенных с ними: Печорина, Бельтова, Рудина, Обломова, Райского? У Пушкина образ «лишнего человека» — центральный: поэт был им занят большую часть зрелого творчества с 1820 по 1833 год.

Выражение «лишний человек» стало столь привычным и приевшимся всем со школьной скамьи, что его обсуждение кажется совершенно излишним и почти невозможным. Но в привычном, общепринятом нередко содержится, может быть, самое существенное.

Наиболее известные интерпретации образа Онегина, принадлежащие Белинскому и Достоевскому, сейчас представляются узкими. Через призму исторического опыта XX столетия образ пушкинского героя видится символическим. Трагедия человека, не имеющего смысла жизни, стала приметой нового времени. А поскольку суть Онегина заключается в отпадении его от всеобщего, в отсутствии у него Бога и религиозного воззрения на мир, то становится очевидной его связь с героями Л. Толстого, Достоевского, Чехова, Бунина. То, что казалось чертой десятилетия 30-х годов XIX века, обнаружило свойство периодического возрождения.

Какой-то идеи, придающей прочный смысл жизни на десятилетия, оцененной в литературе как безусловная, не нашлось. Успокаивающий принцип объяснения чередования потерь и обретений смысла жизни изменением общественно-политической ситуации не лишен доли истины, но перед лицом катастроф — войн и революций XX века — приходится признать его явную недостаточность.

Казалось бы, у Толстого и Достоевского нашелся убедительный ответ пессимизму, неверию и равнодушию к жизни. Но после Пьера Безухова, Андрея Болконского, Алеши Карамазова явился Иван Ильич («Смерть Ивана Ильича») и Николай Степанович из «Скучной истории».

Пушкин проблему ставит в локальном, национально-историческом аспекте и в глобальном, мировом. Но традиционно во многом благодаря Белинскому у нас сложилась прочная традиция понимания «Онегина» в контексте преддекабристской эпохи.

Белинский в качестве глашатая нового реалистического миропонимания довел до предела идею историзма «Евгения Онегина», объявив устаревшим содержание романа, считая это «величайшим достоинством».

Критик рассматривал «Евгения Онегина» только в контексте текущего времени, фиксируя изменения, происходящие в пределах десятилетия. Будучи фанатиком прогресса, Белинский был совершенно убежден, что все идет к лучшему и история есть поступательное движение, где каждая последующая эпоха превосходит предыдущую в интеллектуальном и духовном развитии.

Поэтому он не обратил, да, видимо, и не мог обратить внимание на мысли и наблюдения Пушкина, носящие общий характер. Отличительной чертой эпохи поэт считал эгоизм, присущий не только великосветскому прожигателю жизни:

Все предрассудки истребя,
Мы все глядим в Наполеоны,
Двуногих тварей миллионы,
Для нас орудие одно,
Нам чувство дико и смешно.

Пушкин недаром прибегает к обороту «мы все». «Эгоизм — наше законное божество, ибо мы свергнули старые кумиры и еще не уверовали в новые»⁵. Именно так «эгоизм — законное»

⁵ Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951. С. 520.

явление. Здесь значение слова *эгоизм* несколько отличается от повседневного. Оно выражает мысль об отсутствии вне человека предмета достойного поклонения. И Пушкин говорит о том же, о потере религии его современниками: «Все предрассудки истребя». Религию в качестве предрассудка отрицала философия Просвещения, бывшая последним словом мудрости. Характерно, что страдающий от скуки Онегин ищет спасения в чтении, путешествиях, но только не в религии, он даже не вспоминает о ней, и среди книг, которые он читает, не было Библии. Кажется, что дорога к христианским истинам закрыта для Онегина абсолютно. Декабристы упрекали Пушкина за выбор для романа такого заурядного, по их мнению, героя, как Онегин. Но автора «Евгения Онегина» интересовали не героические личности, а характерные, репрезентативные или, попросту говоря, типичные. Он стремился прежде всего постигнуть дух своего времени. Безверие оказалось характерной чертой не только 30-х годов XIX столетия, но всего XIX века, что подтвердило правоту и точность его выбора.

Онегин после короткой и бурной светской жизни, пресытившийся и разочарованный, стал читать книги, которые большей частью его не удовлетворяли. А в тех, которые «он из опалы исключил», он нашел, по существу, оправдание своего мрачного скепсиса, неверия и скуки. Из всего, что он читал, ему оказались близки только произведения Байрона:

Да с ним еще два-три романа,
В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно.

Онегин сам современный человек. У него в кабинете вместо религиозных символов присутствуют совсем иные: Байрон и Наполеон, вместо распятого на кресте Спасителя — полководец:

Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатыми крестом.

А Байрон и Наполеон были властителями дум, по определению Пушкина. Они в романе представлены символами эгоизма, двух его вариантов. Английский поэт был певцом «унылого эгоизма», французский император — воплощением стремления к власти и славе, обожествлению своего «я».

Ничего другого эпоха не могла предложить Онегину. Так русский реализм начался с исследования индивидуализма, продолженного Лермонтовым в «Герое нашего времени».

Пушкин сделал шаг вперед от романтизма; автор «Евгения Онегина» объяснил разочарование героя, раскрыл причины его появления на исторической почве.

Хандра Онегина — «это недуг, которого причину давно бы отыскать пора». Собственно этим и занят Пушкин в романе, в чем и состоит одна из черт реализма как объясняющего искусства. Литература обратилась к действительности, к тому, что окружает человека, рядом с ним, в отличие от романтизма, устремленного к необыкновенному, экзотическому. Из всех черт реализма устремленность к обыкновенному оказалась наиболее глубинным и долговечным импульсом. Можно сказать, что идея обыкновенного была движущей силой развития русской литературы от Пушкина до Бунина и Набокова.

Классицизм был строго иерархическим искусством иерархического общества, где достоинства человека определялись по его положению в государстве. Идеал классицизма, по существу, был языческим.

Романтизм был борьбой с классицистическим пониманием человека: «Мир тридцать лет сражался и истекал кровью. Аристократизм, унижающий человеческое достоинство, должен быть отброшен — борьба начиналась с этого»⁶.

⁶ Уланд Л. «Нет!» — дворянской палате // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М., 1980. С. 165.

Но романтизм сам породил новое неравенство в отношении к человеку и действительности, в частности отдал предпочтение редкому, экзотическому, необыкновенному. Для реализма не стало запретных тем, для него не существовало деления действительности на сферы, достойные и недостойные изображения в литературе.

Это движение к всеохватности началось еще с романтизма и шло с исключительной интенсивностью. В начале века утверждение Карамзина, что крестьянин тоже человек, воспринималось как поразительное открытие. Пушкин первый стал вводить в литературу героев из низших сословий серьезно, без экзотики и сентиментального умиления. «Станционный смотритель», «Гробовщик», «Капитанская дочка», затем Гоголь с его знаменитым «маленьким человеком» — таковы главные вехи преодоления социальных границ в изображении человека в русской литературе. Натуральная школа с ее характерным жанром физиологического очерка порождена этим вниманием к героям всех сословий, профессий, занятий. В дальнейшем почти каждого русского писателя хвалили за то, что он рисует обыкновенных людей и простую, повседневную жизнь.

Нам представляется, что от Карамзина до Бунина с его программным: «Не все ли равно, про кого говорить? Заслуживает того каждый из живущих на земле» — идет одна непрерывная линия развития. Но решающий шаг сделан Пушкиным. В «Евгении Онегине» он рассказал, как изменились его взгляды:

В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордый девы идеал,
И безымянные страданья.

Здесь в четырех строчках мы находим отличительные черты романтического мироощущения: экзотику (море, пустыня, груды скал) и стремление к недостижимому: нельзя изжить стра-

дания, не имеющие причины («безымянные»), как и достичь идеала.

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор.

Эти стихи Пушкина стали символом веры новой литературы. С.М. Бонди писал, что еще не разъяснено наукой, с помощью какого чуда Пушкину удалось обыкновенные вещи, самую прозаическую действительность показать как прекрасную, и почему, если воспользоваться словами ученого, читателю «становится милым, дорогим то, мимо чего они раньше проходили равнодушно»⁷.

Показательно, что только в реализме о красоте возникают вопросы «как?» и «почему?», а суть прекрасного в романтизме и классицизме очевидны.

Понятно, что героизм, воспетый поэтом-классицистом, прекрасен, как и титаническая, необыкновенная личность или яркий, экзотический пейзаж в романтизме. Но «калитка, сломанный забор»! В чем их обаяние, к каким глубинным чувствам они обращаются в нас?

Их красота выражает идею значимости каждой человеческой жизни, поверх всех возможных норм, систем и ценностей, всегда носящих временный и частичный характер. Красота обыкновенного в реализме — это признание непознаваемой бесконечной сущности человека.

Из всех свойств реализма она оказалась самым долговременным. Ее можно встретить и у писателей, которые во многом отошли от традиций реализма, как, к примеру, у Бунина и Набокова.

Устами своей героини из «лирического» рассказа «Неизвестный друг» Бунин утверждал: «В сущности, все в мире прелестно, даже вот этот абажур на лампе...»

⁷ Бонди С.М. Рождение реализма. М., 1978. С. 128.

Более того, именно «обыкновенности» принадлежало решающее слово в споре различных концепций человека и действительности.

Но, как известно, реализму был присущ комплекс свойств и идей. Он был объясняющим на исторической основе искусством. Сама по себе эта установка на исследование действительности в искусстве, вопреки общему убеждению, совсем не очевидна и может быть совершенно уникальна. Ее обязательная предпосылка в том, что действительность нам неизвестна, поэтому ее нужно постичь. Ведь классицизм не познавал действительность, потому что она была ему известна. Имеется в виду, разумеется, духовная реальность норм, идеалов, правил.

Требование изображения обыкновенного человека сложно взаимодействовало с установкой на историческое объяснение действительности. На место героя высоких нравственных качеств пришел репрезентативный герой, представляющий социальную группу, сословие, эпоху, идею. В сравнении с героями классицизма и романтизма он воспринимался как обыкновенный, но по отношению к героям последующей литературной эпохи — как необыкновенный человек. Декабристы упрекали Пушкина за ничтожность характера Онегина. Но рядом с героями Чехова он представляется стоящим на пьедестале. В сущности, в категории «обыкновенности» заключалось отрицание как незыблемой и абсолютной любой идеи человека и утверждение мысли о его неисчерпаемой глубине.

Можно сказать, что в литературе XIX века происходил «прогресс» идеи «обыкновенности». В суждениях о героях литературы XX века оценки «обыкновенный», «необыкновенный» исчезли, исчерпали себя.

ДИАЛЕКТИКА «МЕРТВЫХ ДУШ»

Место Гоголя в русской литературе остается неопределенным из-за того, что в исследованиях главным образом обращают внимание на «влияние», которое он испытал и оказал. Без конца цитируют слова, приписываемые Достоевскому: «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”». Ищут сходство, близость, преемственность, а существенные различия остаются в тени.

Гоголь расходился со всей русской литературой XIX века, начиная с Пушкина, в главном — в понимании человека и истории. Многие из того, что было положено Пушкиным в основу русской литературы, Гоголем не разделялось.

Пушкин заложил традиции русского романа, впервые создав героев, обусловленных духом времени, выразившимся в типах культуры и идеях. И в дальнейшем все русские писатели пошли этим путем. Их внимание было приковано к идеям и их влиянию на человека и ход истории. Собственно исследование идей и мировоззрений стало «специальностью» русского романа.

Гоголь к идейным веяниям современности оставался по крайней мере равнодушным. Может быть, здесь и заключается секрет его неудачи на поприще ученого-историка.

Показательная полемика о мировоззрении Гоголя содержится в известной работе Зеньковского. Приводя цитату из письма Гоголя к Анненкову «Всяких мнений о нашем веке и нашем времени я терпеть не могу, потому что они все ложны», Зеньковский пишет: «Но от этого, конечно, очень далеко до того, чтобы признавать Гоголя “глухим” к своему времени и его исканиям»⁸. Далее в подтверждение правоты своего мнения исследователь приводит несколько глубоких гоголевских оценок современно-

⁸ Зеньковский В.В. Н.В. Гоголь. М., 1997. С. 87.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru